

Исследования по теории культуры

УДК 130.2(430)

DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-10-26

Понятие «постнациональное» в интеллектуальной культуре Германии второй половины XX в.

Александр Н. Юрин

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, yurinalexander@mail.ru*

Аннотация. В статье ставится цель – проследить историю использования понятия «постнациональное» в интеллектуальной культуре Германии во второй половине XX в. Важность такого исторического экскурса объясняется тем, что это понятие оказывается центральным в дискуссиях о глобализации на рубеже тысячелетий, в которых немецкие авторы заняли ведущие позиции. Такая ситуация связана с тем, что употребление понятия «постнациональное» в различных вариациях активно использовалось в специфических для ФРГ социально-политических и социокультурных контекстах до конца холодной войны. Опираясь на методологию исторической семантики и истории понятий, в статье предпринимается реконструкция ключевых для понимания развития этого понятия контекстов употребления. Контекстуальная реконструкция в этом случае оказывается необходимой, поскольку значение понятий напрямую зависит от контекста и несводимо к их внутреннему содержанию. Набор контекстуальных употреблений этого понятия ограничен ключевыми исследовательскими текстами, в которых оно оказывается интерпретируемым. Такая генеалогия призвана указать на интеллектуальную преемственность и ресемантизацию этого понятия вплоть до его активного использования в широких международных академических дебатах о глобализации и космополитизме. Это поможет не только лучше понять круг значений, связанных с понятием «постнациональное», но и определить его специфическое место в интеллектуальной культуре Германии второй половины XX в.

Ключевые слова: понятие «постнациональное», постнациональная демократия, постнациональное сознание, постнациональная констелляция, постнациональная идентичность, глобализация, космополитизм, Германия

Для цитирования: Юрин А.Н. Понятие «постнациональное» в интеллектуальной культуре Германии второй половины XX в. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 10–26. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-10-26

© Юрин А.Н., 2019

Concept “Postnational” in German intellectual culture of the second half of the 20th century

Alexander N. Yurin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, yurinalexander@mail.ru

Abstract. This article aims to track back a history of the concept “postnational” in German intellectual culture of the second half of the 20th century. The concept has been widely used in international debates on globalization in the wake of the 21st century, where German intellectuals took up leading positions. Such a reference to German intellectual tradition is to be explained by a unique FRG postwar experience where this concept has been forged and used in various sociopolitical and sociocultural contexts, well before the end of the cold war. I will be undertaking a reconstruction of the basic historical contexts, which make this concept open for interpretations, based on the historical semantics and conceptual history methodology. Contextual reconstruction is crucial, due to the nature concepts which makes them dependable on the context and doesn't let them be interpreted by their internal meaning. The variety of contexts is to be limited by the basic academic texts, where concept «postnational» plays a key role. This genealogy is aimed to indicate intellectual continuity and evolution of this concept up to its wide use in international academic debates on globalization and cosmopolitanism. This would also help to better understand a wide range of meanings ascribed to it.

Keywords: Concept “postnational”, postnational democracy, postnational consciousness, postnational constellation, globalization, cosmopolitanism, Germany

For citation: Yurin A.N. Concept “Postnational” in German intellectual culture of the second half of the 20th century. *RSUH / RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, 2019;8:10-26. DOI: 10.28995/2686-7249-2019-8-10-26

Введение

В междисциплинарных исследованиях нации и национализма (nationalism studies) на рубеже XX–XXI вв. понятие «постнациональное» в различных его формах становится одним из ключевых для описания нового мироустройства, в котором главенствующая роль национальных государств и национальной идентичности, если не будет упразднена, то в значительной мере пересмотрена. Чаще всего это понятие употреблялось в контексте осмысления глобализационных процессов, которые рассматривались как основной вызов национальному государству.

Это определение казалось интуитивно понятным и удобным для описания мира после холодной войны. Примечательно то, что ни один из авторов, для кого это понятие было центральным, не пытался дать ему развернутого и эксплицитного определения, а использовал его имплицитно. На рубеже XX–XXI вв. главы или параграфы, посвященные концептуализации будущего политики, экономики и культуры «по ту сторону национализма», появляются в учебниках, ридерах, сборниках статей и работах крупных преподавателей *nationalism studies*. По большей части понятие «постнациональное» обнаруживается в них в качестве прилагательного¹, которое в связке с другими понятиями образует новые смысловые конструкции, которые потребовались для описания такого широкого спектра феноменов и проблем. Это понятие оказывается не просто описательным предикативом, а играет важную роль в изобретении и поиске нового языка для описания меняющейся социальной реальности. За ним стоял целый каталог научно-исследовательских вопросов, возникших перед исследователями всего мира в 90-е гг., что позволило Энтони Смиуту, одному из главных теоретиков *Nationalism studies*, говорить о «постнациональной повестке дня», на которой лежали следующие темы:

1. Воздействие нынешнего естественного движения населения на перспективы национального государства и особенно на распад национальной идентичности и возникновение мультикультурализма.
2. Воздействие феминистского анализа и проблем гендера на характер национальных проектов, идентичностей и сообществ, а также роль гендерной символики и совместного отстаивания женщинами своих прав.
3. Преимущественно нормативные и политические дебаты о последствиях для гражданства и свободы гражданского и этнического типов национализма и их отношениях с либеральной демократией.
4. Влияние тенденций глобализации и «постмодернистских» наднациональных проектов на национальный суверенитет и национальную идентичность [1 с. 366].

Исследователи нации и национализма относились по большей части осторожно к утверждению о наступлении «постнационального» мироустройства и рассматривали его скорее в качестве продукта теоретического осмысления глобализационных процессов. Эту осторожность или даже скепсис у преимущественно англо-

¹ Хотя можно встретиться и с попыткой субстантивировать его, используя в качестве англ. «the post-national» или нем. «das postnationale».

американских исследователей можно обнаружить уже в вопросительной форме названий глав ключевых работ. Так, например, главы с одноименным названием “Beyond nationalism?”² возникают в работе Филипа Сперсера и Говарда Воллмана «Национализм: критическое введение», а также в оксфордском ридере Энтони Смита и Джона Хатчинсона «Национализм». Наиболее же острую критику в адрес «постнационального будущего» высказал Крейг Калхун в своей работе «Нации имеют значение: культура, история и космополитическая мечта», задав риторический вопрос: «Пришло ли время быть постнациональным?»

В центре критики Калхуна оказались три немецких автора: Юрген Хабермас, Ульрих Бек и Мартин Кёлер, чьи работы оказали большое влияние на теоретизацию космополитизма в эпоху глобализации и для которых (пожалуй, кроме Кёлера) одним из ключевых понятий для описания мира после холодной войны становится понятие «постнациональное»:

Защитники космополитического мирового порядка часто представляют его как выход за пределы (beyond) национального государства. Юрген Хабермас, например, пишет о «постнациональной констелляции». Мартин Кёлер видит движение от «национальной к космополитической публичной сфере», при котором «мир развивается как единое целое благодаря социальной активности и свободному волеизъявлению населения, разделяющего общие ценности и интересы, такие как права человека, демократическое участие, верховенство закона и сохранение мирового экологического наследия». Конечно, Кёлер признает тот факт, что необходимые для этого структуры власти все еще не заняли свое место на глобальном уровне; он является умеренным космополитом, который все еще видит определенную роль государств. Ульрих Бек же занимает более радикальную позицию. Он описывает «политику постнационализма», в которой «космополитический проект вступает в противоречие с проектом национального государства и в конечном итоге замещает его» [2. p. 14].

Здесь апелляция к немецкой интеллектуальной традиции оказывается не случайной, поскольку такие понятия, как «постнациональная демократия», «постнациональное сообщество», «постнациональная идентичность», играли важную роль в осмыслении государственного строительства послевоенной ФРГ и соотносились с реальными социально-политическими и социокультурными практиками послевоенного времени. Однако разви-

² По ту сторону национализма.

тие понятия «постнациональное», которое стало столь сильным и универсальным на рубеже XX–XXI вв., происходило в весьма специфических контекстах осмысления развития Западной Германии в 80-е гг.

Данная статья ставит перед собой задачу проследить генеалогию понятия «постнациональное» в интеллектуальной традиции в Германии и определить ключевые социально-политические и социокультурные контексты ее употребления.

В качестве методологической основы для исследования понятия «постнациональное» используются подходы, которые сложились в рамках «истории понятий» (*Begriffsgeschichte*) – исследовательской программы, возникшей в контексте исторической семантики. Одним из ключевых наблюдений, сформулированных Козеллеком, отцом-основателем «истории понятий», было то, что в отличие от слов, которым можно дать дефиницию, понятия всегда обладают множеством значений и могут быть лишь «интерпретированы». Однако «изобилие значений» не было для Козеллека сложностью. Скорее, оно представлялось ему важным свойством, которое позволяло увидеть в понятиях меняющиеся исторические, социальные и политические взаимосвязи [3 с. 37–38]. Развитие «истории понятий» как исторической субдисциплины привело не только к преодолению дисциплинарных границ, в результате чего она стала междисциплинарной научно-исследовательской перспективой, но и к более широкому пониманию ее методологических оснований. Как отмечает Х.Э. Бёдекер,

исследуемые основные понятия всегда спорны, а политико-социальная семантика необъяснима без учета взглядов разговаривающих и интересов говорящего. Поэтому исследования Козеллека направлены в конечном счете на историю рождения смысла посредством языка и выходят за пределы анализа отдельных ключевых терминов. При таком подходе «история понятий» превращается в методологическом плане в социоисторический дискурсивный анализ, а ее интенции приближаются к англо-американскому и французскому типу исторической семантики [4 с. 8–9].

Именно такое понимание методологии «истории понятий», характерное для исторической культурологии, использовано при реконструкции смыслов, связанных с историей понятия «постнациональное». Иными словами, мы рассматриваем это понятие в качестве узловой точки социоисторического дискурса-анализа, источниками которого служат базовые научно-исследовательские тексты. С помощью такой генеалогии мы попытаемся про-

следить то, каким образом это понятие, помещенное в разные социально-политические и социокультурные контексты, обретает новые смыслы.

Постнациональная демократия среди других национальных государств

Первым, кто ввел в широкий оборот понятие «постнациональное» в интеллектуальной традиции ФРГ, принято считать [5 S. 438] Карла Дитриха Брахера, который в 1976 г. в своей книге «Немецкая диктатура: возникновение, структуры и последствия национал-социализма» назвал ФРГ «постнациональной демократией среди других национальных государств» [6 S. 544]. Поначалу эта формула не претендовала на большой эвристический потенциал и тем более не имела особых политических притязаний. И все же для Брахера она описывала как внутреннее, так и внешнее положение ФРГ после краха диктатуры национал-социализма и образования нового демократического государства. Однако темы диктатуры и демократии в истории Германии оказались неразрывно связаны с послевоенным положением: делением национального государства на ФРГ и ГДР и, по сути, лишением их внешнего суверенитета. Таким образом, эта формула апеллирует к теме «разделенной нации». Вместе с тем она возникает в особенном интеллектуальном ландшафте ФРГ, где после крушения Третьего рейха вопрос о национальной идентичности был тесно связан с темой «коллективной вины» и ответственностью за ужасы Холокоста. Так, работа Карла Ясперса «Вопрос о виновности» установила фундаментальные параметры послевоенных дискуссий о немецкой вине и ее связи с германской нацией [7 р. 27].

Позже М.Р. Лепсиус напишет о послевоенной ФРГ:

Коллапс режима национал-социализма и безоговорочная капитуляция пошатнули основы интеграционной идеологии, основанной на немецком национализме, при котором немцами во имя германской нации совершались преступления. Воображаемый порядок (*gedachte Ordnung*) германской нации больше не мог претендовать на роль порядкообразующей идеи (*Ordnungsidee*), чему, с одной стороны, препятствовала оккупация страны и переход управления в руки союзников, а с другой стороны, внутренняя делигитимация национализма [8 S. 235].

Формула «постнациональная демократия среди других национальных государств» фиксировала особое положение ФРГ, в котором страна встала на рельсы демократического развития при усло-

вии разделенной на два государства нации и недоступности национальной идеи в качестве фундамента для построения государства. В 80-е гг. она становится все более популярной в среде интеллектуалов, вплоть до того, что один из ведущих историков, Хайнрих Август Винклер, отметит:

Как известно со времен Гегеля, сова Минервы начинает свой полет лишь с наступлением сумерек. Федеративная Республика Германия (ФРГ) была уже на полпути в четвертое десятилетие своего существования, как она обрела полное самосознание. В 1986 году, за четыре года до объединения, один из самых известных политологов, Карл Дитрих Брахер из Боннского университета, нашел формулу, в которой западные немцы узнавали себя. Он назвал Федеративную Республику «постнациональной демократией среди других национальных государств» [9 p. 107].

Таким образом, из описательной конструкции эта формула превратилась в метафору с мощным социально-политическим потенциалом, претендующую на отражение новой идентичности западных немцев, а понятие «постнациональное» играло в ней ключевую роль.

Постнациональная идентичность и спор историков

Понятие «постнациональное» получило широкое распространение благодаря Юргену Хабермасу и одному из самых крупных событий в интеллектуальной жизни Германии второй половины XX в. – спору историков (Historikerstreit). Академические споры о месте национал-социализма в истории ФРГ, вылившиеся на страницы газет, только на поверхности были спорами о прошлом. На кону лежало не столько историческое знание, сколько национальное самосознание Федеративной Республики [7 p. 60]. В этих дебатах «постнациональная идентичность» Западной Германии становится связанной, а нередко и синонимичной [10 S. 47] понятию, изобретенному Штернбергером, – «конституционный патриотизм» и описывает не только соотношение внешнеполитических условий «разделенной нации» с внутренним состоянием, но и новую идентичность граждан ФРГ. С отделением общей культурной идентичности от общественных и государственных форм происходит и отделение ставшей действительно диффузной национальности от гражданства (Staatsangehörigkeit), что освободило место

для новой политической идентичности, которую население сочло достойной сохранения в процессе послевоенного развития. В Федеративной Республике Германии Рольф Штернбергер наблюдает настоящий конституционный патриотизм, т. е. готовность идентифицировать себя с политическим порядком и принципами конституции...

Однако современные дебаты демонстрируют то, что здесь существуют разночтения. Некоторые могут обнаружить в тех же самых явлениях признаки патологии, связанной с травмированной национальной идентичностью. Так или иначе, зачатки «постнациональной», связанной с конституционным государством идентичности могли бы закрепиться и развиваться только в общих рамках, выходящих за пределы Федеративной Республики тенденций [11 S. 168–169]. Для Хабермаса обсуждение «постнациональной идентичности» происходит сразу в нескольких контекстах. С одной стороны, речь идет об Аушвице как о событии, нарушившем исторический континуум, а с другой – об историзме, возникшем вместе с национализмом вследствие Французской революции. В этом смысле «постнациональная идентичность» в форме конституционного патриотизма рождается как результат отделения культурной идентичности от государственных и политических форм, в результате чего последние перестают черпать свою легитимность в национальной истории. С другой стороны, лейтмотивом рассуждений о «постнациональной идентичности» западных немцев является вовлечение ФРГ в Западную цивилизацию (*Westbindung*), и именно Запад и западные политические ценности играют здесь роль эталонного значения, через которое определяется историческая девиация Германии, которая узнается в идеологии особого пути (*Sonderweg*). Так, на пике спора историков Хабермас писал:

Единственный патриотизм, который не отдалит нас от Запада, – это конституционный патриотизм. Для культурной нации немцев (*Kulturnation*) укорененная в убеждениях связь с конституционными принципами, к сожалению, могла быть построена только после и вследствие (*durch*) Аушвица. И те, кто сегодня пытается нас вогнать в краску с помощью словосочетания «одержимость виной» (Штюрмер и Опенгеймер), те, кто призывают немцев вернуться к конвенциональной форме национальной идентичности, разрушают единственную надежную основу для связи с Западом [12 S. 50].

И в то же время уже в конце 80-х гг. для Хабермаса были очевидны тенденции в изменении мировой архитектуры, которые позволяли метафоре «постнациональное» выйти за пределы опыта

Федеративной Республики. Важными изменениями для него были не только те, которые обуславливались интеграционными процессами в Европе и положением ФРГ, но и те, которые были связаны с «капиталистической мировой экономикой», гегемонией стран, «вооруженных атомным оружием», «массовой миграцией», «массовыми коммуникациями», «массовым туризмом» и «интернационализацией науки» [11 S. 169–171].

Постнациональная демократия и «немецкое воссоединение»³

«Мирная революция» в ГДР и ее «национальный поворот», приведший к объединению Германии, застали население обеих Германий, включая интеллектуалов, врасплох. В среде интеллектуалов все чаще стали звучать голоса, провозглашающие торжество «принципа нации» [13 S. 126], что вызывало серьезное беспокойство тех, кто еще несколько лет назад боролся за «постнациональную идентичность». Осознавая всю турбулентность событий 1989–1990 гг. и неопределенность их последствий, Хабермас задает вопрос:

Будет ли Федеративная Республика, которая Лепсиусом и многими из нас еще недавно воспринималась в качестве «постнационального политического сообщества», возвращена в, казалось бы, преодоленное ее гражданами националгосударственное (nationalstaatliche) прошлое? [14 S. 210]

Для Брахера формула «постнациональная демократия среди других национальных государств» описывала временное состояние, связанное с послевоенным разделением Германии, а следовательно, после объединения теряла свою актуальность:

Я говорил о том, что мы должны будем жить в качестве «постнациональной демократии среди других национальных государств» до тех пор, пока существует разделение Германии. Я не говорил о том, что мы являемся только лишь постнациональной демократией и что это навсегда. В действительности, сегодня наше положение среди других национальных государств нельзя назвать особенным. Мы являемся национальным государством, как и все остальные [15 S. 42].

³ Букв. перевод: Die deutsche Wiedervereinigung.

Еще более радикальную позицию в отношении «постнационального настоящего» объединенной Германии занял Хайнрих Август Винклер, который видел в «постнациональной демократии» еще одну девиацию (Sonderweg) в «долгом пути на Запад»⁴:

Формула «постнациональная демократия среди других национальных государств» описывала особенность Федеративной Республики, возможно даже новый особый путь (Sonderweg), так как остальные страны-члены Европейского Сообщества были демократическими национальными государствами и представляли собой норму (Normalfall) [5 S. 440].

И несмотря на то, что эта формула отражала мироощущение целого ряда интеллектуалов Западной Германии, Винклер пишет о том, что она неприменима к современной Германии:

Объединенная Германия не является «постнациональной демократией среди национальных государств». Она является постклассическим демократическим национальным государством среди других таких же государств-членов Европейского союза [16].

Несмотря на то что объединение Германии сделало понятие «постнациональное» нерелевантным для описания современной ФРГ, оно не поставило крест на нем, а скорее дало возможность для перерождения этого понятия в новых контекстах.

Трансформация понятия «постнациональное» в контексте глобализации и европейской интеграции

Падение Берлинской стены, объединение Германии и распад СССР стимулировали научные дискуссии по вопросам глобализации и ее влиянии на важнейшие сферы жизнедеятельности человека. Слово «глобализация», которое до начала 90-х гг. довольно редко использовалось в научных дискуссиях, в течение одного десятилетия сделало «головокружительную карьеру». «История непривлекательного термина “глобализация” весьма интересна.

⁴ «Долгий путь на Запад» – название классической двухтомной работы Х.А. Винклера по истории Германии.

Еще около десяти лет назад это слово почти не использовалось ни в академических работах, ни в популярной прессе. Появившись из ниоткуда, это слово стало использоваться повсеместно: ни политические речи, ни учебники по ведению бизнеса не обходятся без отсылки к нему», – писал Энтони Гидденс в 1998 г. [17 р. 28]. Несмотря на всю широту и многозначность этого термина, здесь важно то, что дискуссии о глобализации предполагали пересмотр роли и влияния национальных государств в мировой архитектуре после окончания холодной войны. Глобализация стала рассматриваться как основной вызов национальному государству практически во всех сферах. Так, Ульрих Бек, один из самых цитируемых исследователей глобализации, писал:

Национальное государство есть государство территориальное, его власть зиждется на связи с определенной местностью (контроль над членством, издание действующих законов, защита границ и т. д.). Мировое общество, которое образовалось в процессе глобализации во многих сферах, а не в одной только экономической, ослабляет, ставит под сомнение могущество национального государства, вдоль и поперек пронизывая его территориальные границы множеством разнообразных, не связанных с определенной территорией социальных зависимостей, рыночных отношений, сетью коммуникаций, несхожими нравами и обычаями населения. Это проявляется во всех важнейших сферах, на которых держится национально-государственный авторитет: в налоговой политике, в высших полномочиях полицейского аппарата, во внешней политике, в области военной безопасности [18 с. 14–15].

Объединение Германии также послужило толчком к политическому оформлению Европейского союза, беспрецедентной по уровню интеграции супранациональной организации, что также внесло свои коррективы в осмысление роли национальных государств как в Европе, так и в мире. Обсуждение глобализации и европейской интеграции стало основным контекстом для осмысления «постнационального» во второй половине 90-х гг. Послевоенный опыт Германии в отделении культурного (национального) от политического, который Хабермас и другие называли «постнациональным сознанием», оказался важным в осмыслении того, каким образом возможна демократия вне национального государства. Так, рассуждая о прошлом и будущем национального государства, его достижениях и пределах, Юрген Хабермас все еще обращается к «постнациональному сознанию» и «конститу-

ционному патриотизму», но рассматривая их в более широких и универсальных контекстах европейской интеграции и глобализации:

...многим европейским странам – и не только двум Германиям – было отказано в собственной внешней политике. Отныне их внутренние конфликты перестали прятаться за приоритетом внешних сношений. При таких условиях стало возможным отделить универсалистское понимание конституционного государства от его традиционного выражения в силовой политике, мотивируемой национальными интересами. Несмотря на угрожающий образ коммунистического врага, происходил постепенный отказ от концептуальной привязки гражданских прав и свобод к амбициям национального самоутверждения. Национальная свобода уже не составляла главной проблемы – даже в Западной Германии. Эта тенденция к так называемому постнациональному самосознанию конституционного государства, вероятно, несколько более сильно, чем в других странах, была выражена в бывшей Федеративной Республике Германии – учитывая ее особое положение и тот факт, что она, в общем-то, даже формально была лишена своего внешнего суверенитета [19 с. 375–376].

«Постнациональное сознание» и «постнациональная демократия» становятся теми формулами, которые позволяют осмыслить республиканские формы управления и демократию в отрыве от их культурного содержания. Внутренний опыт ФРГ, схваченный этой метафорой, выносится в глобальную сферу, становясь универсальной моделью. В 1998 г. выходит в свет «Постнациональная констелляция» Ю. Хабермаса, где автор высказывается о «постнациональном» двояким образом. С одной стороны, речь идет о «постнациональной демократии», т. е. демократии, возможной в условиях глобализации и отрыве от национального государства. А с другой стороны, он говорит о «постнациональной констелляции» или «постнациональных вызовах», где «постнациональное» понимается в качестве условий, в которых оказалось будущее демократии, связанное с процессами глобализации [20 с. 105–152]. Теоретизация процессов глобализации и размышления о будущем национального государства происходили в тесной связи с осмыслением возникшей в Европе политической супранациональной интеграции. Поэтому в качестве ответа на «постнациональные вызовы» глобализации Хабермас видит Евросоюз, который, по его мнению, может стать примером существования демократии по ту сторону национального государства [20 с. 144].

*Космополитизм и вторая
«постнациональная» эпоха модерна*

Наиболее смелые попытки выйти за пределы «национального» предпринимает Ульрих Бек, который не только рассматривает глобализацию в качестве вызова основным структурам первого модерна (в первую очередь национальному государству), но и настаивает на переходе к принципиально другой парадигме в социальных науках – космополитизму [21 р. 80]. По Беку, социальная теория все еще остается в плену у национально-государственной парадигмы, несмотря на развивающийся космополитический взгляд на социальные взаимоотношения во вторую эпоху модерна. С этих позиций «постнациональная констелляция» Хабермаса, которая находит свой ответ в создании ЕС, встречает жесткую критику:

...у Хабермаса речь идет о расширении национальной политики в более крупном историческом масштабе (Европейская демократия, Европейское национальное государство, Европейское государство благосостояния и т. д.). В конце концов, Хабермас оказывается заложником противоречий теории постнациональной нации [21 р. 91].

По мнению Бека, основным вопросом, которым задается Хабермас в «Постнациональной констелляции», является вопрос о «Европейском народе» как о субъекте постнациональной демократии, которая схватывается в терминах «расширенной рамки» (extended closure) национальной демократии» [21 р. 91]. Для Бека позиция Хабермаса характеризуется «двойственностью», свойственной второму модерну, в котором повседневный опыт пронизан космополитизмом, а «коварные националистические понятия продолжают почти с прежней частотой посещать головы людей, не говоря уж об их присутствии в теориях и исследовательской практике общественных наук» [22 с. 26]. В этих рассуждениях Бека формула «постнационального» в различных своих вариациях становится синонимичной космополитизму и космополитической перспективе, которая должна преодолеть методологический национализм и уйти от социальной теории, связанной национально-государственной парадигмой.

Заключение

Краткий обзор основных контекстуальных употреблений понятия «постнациональное» позволяет увидеть круг значений, который приписывался ему в различные исторические периоды. В течение нескольких десятилетий это понятие проделало сложный путь. Сначала оно характеризовало аномальное положение ФРГ, связанное с положением «разделенной нации» и недоступностью позитивной национальной идентификации после Холокоста. Затем это понятие стало ассоциироваться с конституционным патриотизмом, в котором культурное отделялось от политического. В дальнейшем, в контексте глобализации, с помощью «постнационального» описывались формы существования демократии вне национального государства. Кульминацией этого пути является понимание «постнационального» как космополитического мироустройства и космополитического мировоззрения, которое порывает с методологическим национализмом и предлагает новую перспективу в гуманитарных и социальных науках. Понятие «постнациональное», будучи прикрепленным к таким базовым понятиям, как «демократия», «идентичность» «самосознание», расширяет круг их значений, связанных с переосмыслением исследователями социальных и гуманитарных наук проблем германского государства и общества в различные периоды истории. Для исследователей это понятие, прежде чем оно попало в широкие дебаты о глобализации, отражало специфический культурно-исторический опыт Германии послевоенного времени. Представленная нами ретроспектива помогает лучше понять градуальное и специфическое развитие этого понятия, которое на рубеже веков становится ключевым для описания мира «по ту сторону» национального государства.

Литература

1. *Смит Э.Д.* Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М.: Праксис, 2004. 464 с.
2. *Calhoun C.* Nations Matter: Culture, History and the Cosmopolitan Dream. Routledge, 2007. 252 p.
3. *Козеллек Р.* Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: В 2 т. Т. 1 / Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле [ред.]; пер. с нем. К. Левинсон; сост., науч. ред. перевода Ю. Арнаутова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 37–38.
4. *Бёдекер Х.Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета: пер. с нем. / Ред. Х-Э. Бёдекер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 8–9.

5. *Winkler H.A.* Der lange Weg nach Westen, Bd. 2: Deutsche Geschichte vom "Dritten Reich" bis zur Wiedervereinigung. München: C.H. Beck. 2000, 742 S.
6. *Bracher K.D.* Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus, 5 Auflage, Köln, 1976. 587 S.
7. *Müller J-W.* Another Country: German Intellectuals, Unification and National Identity. Yale University Press, New Haven CT u. a., 2000. 320 p.
8. *Lepsius M.R.* Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des «Großdeutschen Reiches» (1988), in: Demokratie in Deutschland. Soziologisch-historische Konstellationsanalysen. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. S. 229–245.
9. *Winkler H.A.* Rebuilding of a Nation: The Germans before and after Unification // Winkler H.A., Murphy C.M., Patsch C., List S. Daedalus, Vol. 123, no. 1: Germany in Transition (Winter, 1994). P. 107–127.
10. *Westle B.* Traditionalismus, Verfassungspatriotismus und Postnationalismus im vereinigten Deutschland // Niedermayer O., von Beyme K. (Hrsg.). Politische Kultur in Ost- und Westdeutschland. KSPW: Transformationsprozesse (Schriftenreihe der Kommission für die Erforschung des sozialen und politischen Wandels in den neuen Bundesländern e.V. [KSPW]). Vol 3. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. S. 43–76.
11. *Habermas J.* Geschichtsbewußtsein und posttraditionale Identität. Die Westorientierung der Bundesrepublik // Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung: Kleine Politische Schriften VI. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1987. S. 159–179.
12. *Habermas J.* Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung. DIE ZEIT v. 11. 07. 86 // Kühnl R. (Hrsg.) Streit ums Geschichtsbild: d. "Historiker-Debatte"; Darst., Dokumentation, Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein, 1987. S. 42–51.
13. *Mayer T.* Kommunitarismus, Patriotismus und das nationale Projekt // Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften: Länderdiagnosen und theoretische Perspektiven. VS Verlag für Sozialwissenschaften; Auflage: 1994. S. 115–131.
14. *Habermas J.* Nachmals: Zur Identität der Deutschen. Ein einzig Volk von aufgebrachten Wirtschaftsbürgern? // Habermas J. Die nachholende Revolution: Kleine Politische Schriften VII. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1990. S. 205–225.
15. Karl Dietrich Bracher im Gespräch mit Werner Link: Zwischen Geschichts- und Politikwissenschaft // Lehmann H., Oexle O.G. (Hrsg.), Erinnerungsstücke. Wege in die Vergangenheit: Rudolf Vierhaus zum 75. Geburtstag gewidmet, Wien; Köln; Weimar, 1997. 284 S.
16. *Winkler H.A.* Eine verspätete Nation? Zum Ort der Wiedervereinigung in der deutschen Geschichte [Электронный ресурс]. URL: <https://zeitzeichen.net/archiv/geschichte-politik-gesellschaft/verspaetete-nation/> (дата обращения 20.06.2019).
17. *Giddens A.* The Third Way: The Renewal of Social Democracy. Polity Press, 1998. 176 p.
18. *Бек У.* Что такое глобализация? / Пер. с нем. А. Григорьева, Б. Седельника; общ. ред., послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
19. *Хабермас Ю.* Европейское национальное государство: его достижения и пределы: О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // Андерсон Б., Бауэр О., Хрох М. и др. Нации и национализм / Пер с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М.: Праксис, 2002. С. 364–380.

20. Хабермас Ю. Постнациональная констелляция и будущее демократии // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 105–152.
21. Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 51. Issue 1, January/March. P. 79–105.
22. Бек У. Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2008. 336 с.

References

1. Smith AD. *Nationalism and Modernism. A critical survey of recent theories of nations and nationalism*. Moscow: Praxis Publ.; 2004. 464 p. [In Russ.]
2. Calhoun C. *Nations Matter: Culture, History and the Cosmopolitan Dream*. Routledge, 2007. 252 p.
3. Koselleck R. Introduction. V: Zareckii Yu., Levinson K., Shirle I., eds. *Basic Concepts in History: selected articles*. 2 bds. Bd. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2014. P. 37-8. [In Russ.]
4. Bödeker HE. Reflection of Historical Semantics in Historical Cultural Studies. V: Bödeker H. ed. *History of concepts, history of discourse, history of mentality*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.; 2010. P. 8-93. [In Russ.]
5. Winkler HA. *Der lange Weg nach Westen*. Bd. 2: Deutsche Geschichte vom „Dritten Reich“ bis zur Wiedervereinigung. München, C.H. Beck, 2000. 742 S.
6. Bracher KD. *Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus*. 5 Auflage. Köln, 1976. 587 S.
7. Müller J-W. *Another Country: German Intellectuals, Unification and National Identity*. Yale University Press, New Haven CT u. a., 2000. 320 p.
8. Lepsius MR. Das Erbe des Nationalsozialismus und die politische Kultur der Nachfolgestaaten des “Großdeutschen Reiches” (1988). V: *Demokratie in Deutschland. Soziologisch-historische Konstellationsanalysen*, Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1993. S. 229-45.
9. Winkler HA. Rebuilding of a Nation: The Germans before and after Unification. V: Winkler HA., Murphy CM., Partsch C., List S. *Germany in Transition. Daedalus*, 1994. Vol. 123, No. 1. P. 107-27.
10. Westle B. Traditionalismus, Verfassungspatriotismus und Postnationalismus im vereinigten Deutschland. V: Niedermayer O., Beyme OK. von, Hrsg. *Politische Kultur in Ost- und Westdeutschland*. KSPW: Transformationsprozesse (Schriftenreihe der Kommission für die Erforschung des sozialen und politischen Wandels in den neuen Bundesländern e.V. [KSPW]). Vol 3. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1996. S. 43-76.
11. Habermas J. Geschichtsbewußtsein und posttraditionale Identität. Die Westorientierung der Bundesrepublik. V: Habermas J. *Eine Art Schadensabwicklung*. Kleine Politische Schriften VI. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1987. S. 159-79.
12. Habermas J. Eine Art Schadensabwicklung. Die apologetischen Tendenzen in der deutschen Zeitgeschichtsschreibung. DIE ZEIT v. 11. 07. 86. V: Kühnl R. (Hrsg.) *Streit ums Geschichtsbild: d. “Historiker-Debatte”*; Darst., Dokumentation, Kritik. Köln: Pahl-Rugenstein, 1987. S. 42-51.

13. Mayer T. Kommunitarismus, Patriotismus und das nationale Projekt. V: *Das Prinzip Nation in modernen Gesellschaften: Länderdiagnosen und theoretische Perspektiven*. VS Verlag für Sozialwissenschaften; Auflage, 1994. S. 115-31.
14. Habermas J. Nochmals: Zur Identität der Deutschen. Ein einzig Volk von aufgebrachtten Wirtschaftsbürgern? V: Habermas J. *Die nachholende Revolution*: Kleine Politische Schriften VII. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1990. S. 205-25.
15. Karl Dietrich Bracher im Gespräch mit Werner Link: Zwischen Geschichts- und Politikwissenschaft. V: Lehmann H., Oexle OG. (Hg.). *Erinnerungsstücke. Wege in die Vergangenheit*: Rudolf Vierhaus zum 75. Geburtstag gewidmet, Wien; Köln; Weimar, 1997. 284 S.
16. Winkler HA. *Eine verspätete Nation? Zum Ort der Wiedervereinigung in der deutschen Geschichte* [Internet]. URL: <https://zeitzeichen.net/archiv/geschichte-politik-gesellschaft/verspaetete-nation/> (data obrashcheniya 20.06.2019).
17. Giddens A. *The Third Way: The Renewal of Social Democracy*. Polity Press, 1998. 176 p.
18. Beck U. *What is Globalization?* M.: Progress-Tradition Publ.; 2001. 304 p. [In Russ.]
19. Habermas J. The European Nation-state: on the Past and Future of Sovereignty and Citizenship. V: Anderson B., Bauer O., Hroch M. etc. *Nations and Nationalism*. Moscow: Praxis Publ.; 2002. p. 364-80. [In Russ.]
20. Habermas J. The Post-National Constellation and the Future of Democracy. V: *Logos*. 2003;4-5:105-52. [In Russ.]
21. Beck U. The Cosmopolitan Perspective: Sociology of the Second Age of Modernity. V: *British Journal of Sociology*. 2000. Vol. 51. Issue 1 (January/March). p. 79-105.
22. Beck U. *Cosmopolitan Vision*. Moscow: Centr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva Publ.; 2008. 336 p. [In Russ.]

Информация об авторе

Александр Н. Юрин, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; yurinalexander@mail.ru

Information about the author

Alexander N. Yurin, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; yurinalexander@mail.ru